

Табуированная лексика как составляющая инвективного вокабуляра и ее детерминация в арабских идиомах на фоне русского и английского языков

В. В. Палладес

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Палладес В. В.* Табуированная лексика как составляющая инвективного вокабуляра и ее детерминация в арабских идиомах на фоне русского и английского языков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 2. С. 299–319. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.209>

Статья посвящена пониманию сущности языкового табу как составляющей инвективной лексики на примере арабского, английского и русского языков, а также изучению границ данного явления и методов его детерминации. Инвектива, понимаемая как средство вербальной агрессии, в значительной степени опирается на табуированные лексические единицы, наиболее эффективно реализующие функции инвективы. Изучая концептуальные особенности запретных слов, автор опирается на труды К. Аллена и К. Бурриджа, а также М. Льюнга, в которых подробно рассматривается табу, его происхождение и особенности функционирования в различных языках. Помимо теоретических работ лингвистов автор детально анализирует существующую практику реализации языковых запретов в русском, английском языках, которая затрагивает такие сферы, как законодательство и СМИ. В частности, рассмотрены способы определения нецензурных слов в нормативно-правовых актах Российской Федерации, изучены судебные прецеденты в англоязычных странах (США, Великобритании, Австралии). Особенно ценным материалом, подвергшимся анализу, стали исследования регуляторов англоязычных СМИ и крупных вещательных компаний. Цель таких исследований — выявить список слов, которые зрители/слушатели считают недопустимыми для употребления в эфире, т. е. табу. В арабском праве не существует разделения лексики на допустимую и недопустимую, нет очевидной границы и в арабских языковых нормах или узусе. Однако это не означает отсутствия запрещенных к употреблению слов — автор наглядно демонстрирует наличие табу на примерах из арабских СМИ. Кроме того, рассмотрены работы арабских лингвистов М. А. Хатыба и Н. Я. Канбар, посвященные табуированной лексике. Тем не менее до сих пор осталась нерешенной проблема надежного детерминирования и идентификации языковых табу, и в статье автор на основе существующих в современной лингвистике подходов к различению допустимого и недопустимого предлагает релевантный критерий для определения принадлежности слов к табу.

Ключевые слова: табу, инвектива, арабский язык, английский язык, русский язык, индикатор табуированности.

Введение

В арабском языке, как и в любом естественном языке, служащим средством общения, находят свое выражение основные коммуникативные потребности человека. В этом смысле арабский не имеет кардинальных отличий от, например, английского или русского языков — ему присущи те же базовые функции, которые реализуются аналогичными средствами. Одним из них является инвективная лексика, занимающая в любом языке особенное место.

Основная характерная черта инвективной лексики — ее высокая эмоциональная нагруженность. Важнейшей ее задачей является не передача заложенной семантики, а выражение чувств говорящего и воздействие на эмоциональное состояние слушателя. Какая особенность этих слов обеспечивает им способность выполнять данную задачу?

Концепция языкового табу

Являясь культурным феноменом, табу находит свое отражение в различных сферах деятельности человека, в том числе в языке. Языковые табу выражаются в форме запрета на воспроизведение в речи тех или иных понятий, действий, ситуаций, признанных неприемлемыми для общества. И хотя само по себе табу — универсальное явление, содержание запретов отличается у разных обществ, следовательно, не совпадает и набор запретных языковых средств.

Базовым уровнем реализации языковых запретов становится лексика, что представляется логичным, если учесть, что табу запрещает определенные смыслы, а слово — основная семантически значимая единица языка. Механизм реализации табу на лексическом уровне, на первый взгляд, относительно прост: определенный набор слов конкретного языка, содержащих неприемлемую для вербализации семантику, запрещается к употреблению говорящими на этом языке.

В современной лингвистике рядом исследователей выделяются базовые, относительно универсальные сферы, в которых функционируют табу в различных языках. Так, К. Аллен и К. Бурридж отмечают следующие группы табу: 1) продукты выделительных процессов человеческого тела; 2) половые органы, секс, процессы мочеиспускания и дефекации; 3) болезни, смерть и убийство (в том числе охота и рыбалка); 4) наименование определенных персон, священных существ, предметов и мест, обращение или прикосновение к ним, их созерцание; 5) сбор, приготовление и употребление еды [1, р. 1].

Магнус Льюнг предлагает иную классификацию основных тем табу: 1) тема религии/сверхъестественного; 2) копрологическая тема; 3) тема половых органов; 4) тема сексуальных отношений; 5) тема матери (семьи) [2, р. 35].

Обе классификации, несмотря на разницу в подходе, по содержанию в значительной степени совпадают. Это позволяет нам говорить об универсальности табу как явления и использовать предлагаемый западными лингвистами взгляд на данный языковой феномен в качестве базы для семантической классификации табуированной лексики в арабском языке.

Однако на этапе формирования списка табуированных слов по имеющимся тематическим группам казавшаяся простой задача начинает усложняться. Не со-

всем понятно, каким критериям должны соответствовать эти слова. Очевидно, что только принадлежности к одной из вышеуказанных групп по семантическому критерию недостаточно. Так, арабские слова ذَكَر *dakar* и زَب *zubb* имеют одинаковую семантику — «мужской половой член», но при этом первое сложно отнести к табу, поскольку этот соматизм максимально нейтрально называет определенную часть человеческого тела и не имеет отрицательных коннотаций. Вторая же лексическая единица, напротив, является крайне грубым ругательством в арабском языке и несет настолько мощный эмоциональный заряд, что зачастую употребляется в качестве эксплетива (междометия, восклицания — обычно бранного), безотносительно к своей семантике. Но служит ли это достаточным основанием для внесения слова в список запрещенных в социуме лексических единиц?

Несмотря на то что в задачи настоящего исследования не входит изучение истоков возникновения и природы табу, тем не менее для составления списка табуированных слов совершенно необходимо понимать принцип, отличающий разрешенное от запрещенного. И в случае табу дело осложняется тем, что запрет может не иметь никакого формального закрепления, а существовать только в сознании людей.

Одним из главных свойств любого запрета служит наличие санкций за его нарушение. Предполагается, что нарушение табу, в том числе языкового, несет определенные риски для окружающих, поэтому общество подвергает нарушителя наказанию, рассматривая его поведение как девиантное. Из этого следует, что основной критерий табуированности лексики — неприятие социумом ее употребления, которое выражается в применении (или угрозе применения) санкций против говорящего. И чем больше риски и серьезнее предполагаемые последствия нарушения запрета, тем суровее кара. Но так как табу — явление, в большей степени относящееся к культуре и традициям, санкции, а значит и сила запрета, определяются исходя из представлений людей и их отношения к нарушению табу. Иными словами, в основе причисления того или иного слова к табу лежит сугубо восприятие этого слова представителями определенного языкового коллектива.

Возвращаясь к вышеприведенному примеру, мы можем с высокой долей уверенности говорить, что употребление زَب *zubb* повлечет социальное неодобрение, а значит, в целом неприемлемо в большинстве ситуаций, т. е. является табу. Спектр же допустимого употребления лексемы ذَكَر *dakar* значительно шире, и само по себе ее воспроизведение в речи не станет причиной для наложения на говорящего санкций, следовательно, она к табу не относится.

В то же время слово زَب *zubb* не всегда вызывает негативную реакцию у собеседников. В молодежном сленге в некоторых арабских странах (например, в Ливане) эта лексическая единица функционирует и как инвектива, и в качестве междометия для выражения удивления и восхищения. Таким образом, наблюдается не только отсутствие какого-либо неодобрения со стороны слушающих, но и возможна даже обратная реакция — одобрение такого речевого поведения со стороны коммуникантов. Перестает ли от этого слово быть табуированным?

Для ответа на этот вопрос следует сначала ответить на другой, уточняющий вопрос — табуированным для кого? Такая постановка вопроса подводит нас к мысли о том, что не существует абсолютных табу, они устанавливаются и функционируют в рамках конкретных языковых сообществ, иногда даже отдельного чело-

века. Например, при наличии в прошлом глубоких потрясения, крайне негативно отразившихся на эмоциональном состоянии индивидуума, воспоминание об этом может стать нежелательным и болезненным, своего рода запретной темой для данного человека, т. е. формируются персональные табу.

Осознание этого факта заставляет исследователей искать опорную точку, показатель, на основании которого возможно было бы классифицировать определенные слова как табуированные для всех носителей конкретного идиома¹. Одним из способов определения языковых запретов является законодательное регулирование. Рассмотрим специфические особенности этих процессов.

Принципы установления границ табу в русском и английском языках

Использование русского мата в Российской Федерации регулируется рядом нормативно-правовых актов. Федеральным законом запрещено использовать нецензурную брань в средствах массовой информации [3], а употребление обсценной лексики в общественных местах рассматривается законом как мелкое хулиганство, наказание за которое может составить до 15 суток ареста [4]. Содержание закона № 34-ФЗ разъяснено Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), в рекомендациях которой установлен список лексических единиц, которые являются «нецензурными» и употребление которых в СМИ влечет наложение санкций. В этот список вошли четыре базовых слова и все образованные от них дериваты при этом в тексте сами слова не приводятся, для них используются начальные буквы соответствующих корней: «Среди специалистов существует мнение, согласно которому к нецензурным словам и выражениям относятся четыре общеизвестных слова, начинающихся на “х”, “п”, “е”, “б”, а также образованные от них слова и выражения» [5]. При этом само ведомство признает, что «в настоящий момент отсутствует единый перечень нецензурных бранных слов» [5]. Не предлагает перечня таких слов и Кодекс об административных правонарушениях, устанавливающий санкцию за их использование (ст. 20.1) [4].

Такая ситуация вынуждает обращаться к специализированным изданиям, в которых зафиксирована ненормативная лексика. Применительно к русскому языку среди таких работ можно отметить словари В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, Д. И. Квеселевича, А. Ю. Плущера-Сарно. Однако и эти источники не дают возможности однозначно причислить лексическую единицу к запрещенным, так как не всегда словарная принадлежность лексемы совпадает с ее реальным восприятием в обществе. Так, некоторые номинации, имеющие в словарях помету «обсценное», официально не запрещены к употреблению в СМИ (например, *мудак*) [6]. Таким образом, принятие решения о том, является ли то или иное слово нецензурным,

¹ В рамках данной работы уместнее говорить именно об идиомах, так как в арабских странах официально используется один и тот же арабский язык, но на практике функционирование его литературной формы, общей для всех стран, ограничивается лишь определенными сферами (религиозной, официально-деловой), в быту же люди разговаривают на достаточно отличающихся друг от друга идиомах, которые в русской арабистике принято называть диалектами.

в конечном итоге ложится на источник санкций — правоохранительные органы, суд или непосредственно общество.

В случае с английским языком ситуация выглядит еще более запутанной. С одной стороны, в большинстве англоязычных стран нет запрета на использование на телевидении определенных слов, т. е. отсутствуют нецензурные слова в силу отсутствия самой цензуры. С другой стороны, в руководствах национальных регуляторов СМИ многих стран (Великобритании [7], США [8], Новой Зеландии [9]) достаточно подробно описаны лексические ограничения, даже приведен список конкретных слов, использование которых должно быть ограничено.

Однако речь идет не о полном запрете определенной лексики, а об установлении правил ее использования на радио и телевидении. В исследованиях британского регулятора Ofcom и новозеландского BSA бранным словам присваивается рейтинг, определяющий обстоятельства и время их возможного использования в национальном вещании. При этом выделяются категории допустимости слов, дифференцированных от «абсолютно допустимо» до «абсолютно недопустимо». Ряд каналов имеет собственную политику в отношении ругательств, основанную на рекомендациях регулятора [10].

Ключевым понятием для эфирных СМИ является так называемый временной «водораздел» (watershed), начало которого приходится на вечер (обычно около 20–21 часа), а конец — на раннее утро (около 5–6 часов). Наиболее «крепкие» слова и выражения должны употребляться только в рамках установленного промежутка, остальные с определенными оговорками допускаются в эфир и вне его.

Важно отметить, что список английской оскорбительной лексики достаточно обширен и включает до 40 единиц. Отличие от русского языка заключается в том, что большинство дериватов уже включены в этот список, тогда как в России запретными считаются не только основные четыре-пять слов, но и все однокоренные с ними, что существенно расширяет список табу. Другой особенностью перечня английских непечатных слов является его динамичность: со временем туда попадают новые лексемы, некоторые выбывают (среди слов, которые стали восприниматься скорее как допустимые, *fuck*, *whore*, *prick*, *bitch* [9, p. 14], значительно снизилась толерантность к дискриминационным инвективам — *nigger*, *darky*, *paki*, *faggot* [7, p. 50–56]).

Вместе с тем в США с 1978 г. действует «предупреждение Карлина» — правило Федеральной комиссии по связи (FCC), которое прямо запрещает использование в вещании «непристойных, обценных и вульгарных» слов в то время, когда их могут услышать дети [11]. Примечательно в истории возникновения этого правила то, что FCC предъявило претензии радиостанции WBAI за выпуск в эфир монолога комика Джорджа Карлина, который так и назывался «Семь слов, которые ни в коем случае нельзя произносить на телевидении» [12]. Несмотря на то что ни в решениях суда, ни в директивах самой FCC не указаны конкретные слова, являющиеся недопустимыми в эфире, де-факто список запрещенной лексики включил в себя те самые семь слов, которые озвучил Карлин. Так как за употребление данных слов полагается наказание со стороны FCC, можно с определенными оговорками считать их табу, хотя сама FCC признала их не обценными, а «непристойными и вульгарными» и не запретила их полностью, а только ограничила время, в которое их можно транслировать, установив интервал с 22 до 6 часов [13].

Важно отметить, что в целом обценный контент FCC не разрешает транслировать независимо от времени суток. На главный вопрос, что именно считать обценным, комиссия не дает прямого ответа, ограничиваясь набором «критериев обценности», а именно:

1. Среднестатистический человек, принимающий современные общественные нормы, должен расценить контент в целом как вызывающий похотливый интерес (например, материалы, имеющие свойство порождать развратные мысли).

2. Контент должен показывать или описывать в явно оскорбительном виде половой акт, что отдельно определено в соответствующем законе.

3. Контент в целом не должен представлять значительной литературной, художественной, политической или научной ценности [8].

Помимо обценного контента, который безусловно запрещен в эфире, FCC выделяет еще два типа материала, ограниченного к трансляции: это «непристойный» (indecent) и «вульгарный» (profane):

- 1) «непристойный контент» описывает или изображает половые (сексуальные) или экскреторные органы или их функционирование таким образом, который является явно оскорбительным, но не подходит под вышеприведенные критерии обценности;

- 2) «вульгарный контент» включает в себя грубую бранную лексику, употребление которой считается нарушением общественного порядка [8].

Контент, относящийся к этим категориям, допускается в эфир только с 22 до 6 часов. FCC оставляет за собой право за нарушение этого правила наложить санкцию на телеканал или радиостанцию. Это может быть лишение лицензии, штраф или предупреждение.

FCC также признает, что критерии предлагают лишь общее описание соответствующих категорий контента, окончательное же решение об отнесении материала к той или иной категории будет производиться на основе принципа «я узнаю это, когда увижу», сформулированного судьей Поттером Стюартом в 1964 г. во время процесса по делу об отнесении фильма «Любовники» (Les Amants) к порнографии [14].

Таким, образом, формально даже вышеупомянутые «семь слов», представляющие, по сути, самую грубую лексику в английском языке, не являются полноценными табу, так как их оскорбительность (а следовательно, и обценность) зависит от дискурса.

Другая сторона регулирования языка — запрет на употребление определенных слов в общественных местах — обнаруживает еще большую терпимость к брани. Даже слово *fuck*, породившее специальный термин для языкового табу в английском языке — *F-word*, постепенно становится настолько обыденным, что фактически уже утратило свою изначальную способность оскорблять, превратившись в одно из самых частотных дискурсивных слов. Эта тенденция нашла подтверждение и в правоприменительной практике. Так, в Австралии суд отказался признать виновными активистов, на одном из мероприятий скандировавших среди прочего *fuck off*. Изначально им было предъявлено обвинение в нарушении общественного порядка и грозил штраф в 500 долларов, а впоследствии было даже открыто уголовное судопроизводство, но судья отклонил обвинение, обосновав это тем, что слово *fuck* «в настоящее время стало частью повседневной разговорной речи» [15]. Примечательна реакция пользователей на данную новость (рис. 1–3):

 jacksonbison

October 25, 2016 at 4:40 pm

That's the best fucking news I've heard all fucking day.

Thank fuck for that. It's about fucking time.

Fucking fuckers.

Это самые лучшие ***** (восхитительные) новости, которые я слышал за весь ***** (чертов) день. Спасибо ***** (черт возьми) за это. Это все вопрос ***** (дурацкого) времени. ***** ***** (долбанные придурки).

Рис. 1. Комментарий пользователей сайта Lifehacker [15]

 Tacogrenade

October 25, 2016 at 4:57 pm

I'm not one to excessively use profanity but I don't believe it should be censored. People should be able to hear and say whatever they want and if a few people are offended by it, they can go fuck themselves. Besides, this is Australia! We greet our friends by calling them "cunts" for fucks sakes!

Я не особо часто сквернословлю, но мне не кажется, что сквернословие должно быть цензурировано. Люди должны иметь возможность слушать и говорить, что они хотят, и если некоторые оскорбляются этим, они могут идти и *****ть себя. Кроме того, это Австралия! Мы приветствуем друзей, называя их «*****» (вагиной), ***** * *** (ради всего святого)!

Рис. 2. Комментарий пользователей сайта Lifehacker [15]

 mrsid

October 25, 2016 at 5:08 pm

It certainly hasn't lost it's impact to offend but it has been softened some what — in my family at least — by the fact that my 65 year old Mother uses on a weekly basis.

Это слово определенно не потеряло свою способность оскорблять, но оно так или иначе смягчилось, по крайней мере в моей семье, например моя 65-летняя мать использует это слово минимум раз в неделю.

Рис. 3. Комментарий пользователей сайта Lifehacker [15]

Похожим результатом закончилось дело «Полиция против Батлера» (*Police v Butler*) [16]. Суд отказался признать слова *fuck* и *cunt* оскорбительными настолько, чтобы назначить употребившему их человеку наказание. В своем решении судья, сославшись на популярные фильмы и телесериалы, отметил, что «в настоящее время употребление слова *fuck* чрезвычайно распространено, вследствие чего само слово в значительной степени утратило свою оскорбительную силу».

Вместе с тем статистика показывает, что ежегодно на граждан Австралии накладывается несколько тысяч штрафов за использование бранного языка [17].

Тем не менее рост толерантности в обществе к определенным словам не ведет к исчезновению табу. Так, в современном английском языке на фоне достаточно спокойного отношения к словам типа *fuck* и *cunt* наблюдается высокая нетерпимость к дискриминационным оскорблениям. Это касается бранных слов, оскорбляющих чувства людей, которые принадлежат к определенной расе, национальности, вероисповеданию или имеют специфические заболевания. В исследовании Ofcom лексика, дискриминирующая и унижающая определенные группы лиц, названа одной из самых неприемлемых в эфире — ее не готовы воспринимать респонденты ни до эфирного «водораздела», ни после [7]. Таким образом, расистские и прочие дискриминационные оскорбления стали фактически новым табу в английском языке, оттеснив традиционную «общую» брань, связанную с сексуальной и смежными сферами.

Этот тезис подтверждает и руководство британской вещательной компании BBC по использованию различной лексики в эфире. К понятиям, использование которых должно подвергаться особому контролю по причине высокой оскорбляющей способности, руководство службы относит: 1) брань, связанную с сексуальной сферой; 2) расистские оскорбления; 3) слова, связанные с сексуальным насилием, сексизмом, оскорбления сексуальной ориентации; 4) пейоративы, указывающие на болезни или ограниченные возможности человека; 5) небрежное или уничижительное использование священных имен и других религиозных слов, особенно в сочетании с другими ругательствами [18].

Несложно заметить, что из представленных выше пяти пунктов четыре так или иначе заключают в себе дискриминационную лексику. В документе отмечается, что появление в эфире подобной брани до «водораздела» недопустимо, если это особо не оправдано контекстом. Использование наиболее неприличных слов (среди которых указаны *cunt*, *motherfucker*, *fuck* и их дериваты) не только совершенно неприемлемо вне «водораздела», но и требует дополнительного редакторского обоснования уже после выпуска в эфир.

Впоследствии BBC разработала рекомендации по использованию «расистского языка» (*Guidance: Racist Language*) [19], в которых признается вывод Ofcom о возросшей оскорбляющей способности расистской лексики. По наблюдениям эта тенденция в период после выхода указанного исследования и до текущего момента (последнее обновление рекомендаций — сентябрь 2020 г.) продолжает прогрессировать, что вынуждает еще более осторожно подходить к использованию подобных слов. В связи с этим вся расистская лексика, отнесенная в исследовании Ofcom к наиболее оскорбительной [7], приравнивается BBC к наиболее неприличным словам из руководства по использованию лексики. Это означает, что для допуска в эфир таких слов в каждом конкретном случае необходимо представить серьезное обоснование и получить разрешение выпускающего редактора.

При этом ВВС, как и Ofcom, признает, что бранные слова могут быть допустимы и оправданы в эфире в зависимости от коммуникативной ситуации, обосновывая их употребление следующим образом: «Контекст и тон являются ключевыми факторами для определения допустимости крепких слов. Во внимание принимается:

1. Какие слова прозвучали, кто их сказал, почему они были сказаны, кому они были адресованы и какая последовала реакция.
2. Как слова были произнесены. Была ли в тоне агрессия или злоба или же тон был ласковый и веселый. Одни и те же слова могут восприниматься более или менее оскорбительными в зависимости от тона, каким были произнесены, или особенностей личности, их использовавшей.
3. Где в программе ТВ или радио, на веб-сайте или соцсетях размещен контент.
4. Качество вызывающего вопросы контента, который включает бранные слова, является важным фактором, определяющим допустимость/недопустимость контента для аудитории. Крепкие выражения могут быть приемлемы, когда являются неотъемлемой частью или используются с ясной целью или ради определенного эффекта, в то время как бессмысленная невоздержанность в ругательствах будет воспринята публикой негативно [18].

Брань и табу в арабском языке

В арабской традиции деление лексики на табуированную и нетабуированную отсутствует. Ни законодательные акты арабских стран, ни Коран не делят инвективы на допустимые и недопустимые. Например, с точки зрения Уголовного кодекса Египта [20] существуют два основных понятия, имеющих отношение к «речевым преступлениям»:

قذف *qadf* ‘клевета’ — обвинение потерпевшего в совершении наказуемого деяния, доказательств совершения которого нет;

سب *sabb* ‘оскорбление, поношение’ — безосновательное приписывание потерпевшему постыдного качества, порока или умысла без указания на конкретное деяние.

Кроме того, в разделе о сопротивлении должностным лицам и неповиновении их приказам в Кодексе используется понятие إهانة *ihāna*: ‘оскорбление, унижение’ — оскорбление чести и достоинства (государственных служащих), которое обязательно должно содержать клевету или поношение, причем достаточно того, чтобы служащий посчитал, что его чести нанесен урон.

Наряду с термином إهانة *ihāna* в разделе, касающемся оскорбления главы Египта, глав иностранных государств и других высших должностных лиц и государственных органов, используется термин عيب *ib* ‘порицание, оскорбление’. Вместе эти четыре состава признаются «схожими преступлениями» (جرائم متماثلة), так как связаны с нанесением вреда репутации, чести и достоинству человека, что, в свою очередь, может повлечь негативное отношение к нему со стороны общества или семьи.

Несмотря на то что египетский кодекс предполагает освобождение от уголовного наказания за вышеперечисленные преступления, если они совершены без умысла, дух закона не поощряет использование гражданами брани в общении,

независимо от цели: «Слова могут считаться преступлением, даже если являются правдивыми, — долг каждого оценивать себя, а не становиться судьей над другим, предавая гласности сведения о нем, даже если они являются верными. Это грубость, против которой выступает закон, пусть это грубость только на словах, а не на деле. Если люди будут оскорблять друг друга без наказания, то место гармонии займут ссоры и прервутся узы, связывающие их, — Уголовный кодекс выступает гарантом общественного благополучия и предусматривает наказание каждому, кто наносит ему урон» [21, с. 14].

Уголовное право ОАЭ имеет более упрощенный взгляд на состав преступлений, связанных с бранью, оно не оперирует понятиями إهانة *ihāna* ‘оскорбление, унижение’ и عيب *ib* ‘порицание, оскорбление’, включая оскорбление чести государственных служащих в содержание понятия سب *sabb* ‘оскорбление, поношение’ или قذف *qadf* ‘клевета’, в зависимости от того, конкретное деяние или общий порок приписывается потерпевшему [22]. При этом в случае, если приписываемое потерпевшему является правдой и может быть доказано, это не считается преступлением. Важный элемент оскорбления и клеветы — их публичность, отягчающее обстоятельство — публикация порочащих сведений или высказываний в СМИ. Если же свидетелей оскорбления или клеветы нет, например они озвучены в личном разговоре или письме, налагаемое наказание ограничивается штрафом без возможности применить к ответчику меру наказания в виде лишения свободы.

Понятия سب *sabb* ‘оскорбление, поношение’ и قذف *qadf* ‘клевета’ составляют основу преступлений против чести и достоинства и в законодательстве Алжира [23], в котором также используется термин إهانة *ihāna* ‘оскорбление, унижение’ для определения покушения на честь государственных служащих. Однако, несмотря на очевидное сходство алжирского и египетского кодексов, в первом отсутствует упоминание об особой ответственности за оскорбление высших чиновников и не используется понятие عيب *ib* ‘порицание, оскорбление’. Вместо этого Уголовный кодекс Алжира предусматривает для государственных служащих специальное наказание за оскорбление граждан. В соответствующей статье, наряду с уже упомянутыми سب *sabb* ‘оскорбление, поношение’ и إهانة *ihāna* ‘оскорбление, унижение’, для обозначения оскорбления используется слово شتم *šatm* ‘брань’.

Кроме того, законодательство Алжира позволяет толковать правовые нормы таким образом, что брань, не обращенная к определенному лицу или обращенная к воображаемому лицу, не содержит состава преступления вовсе [24].

Иорданское законодательство использует отличающиеся от указанных выше термины ذكر *damm* ‘клевета’ и قذح *qadh* ‘оскорбление’, концептуально совпадающие с قذف *qadf* ‘клевета’ и سب *sabb* ‘оскорбление, поношение’, но с большим акцентом на нанесенный ущерб чести, достоинству и репутации потерпевшего. В дополнение к этому оно оперирует таким понятием, как تحقير *taḥqīr* ‘унижение’, — это любое унижение или оскорбление, не подпадающее под определения ذكر *damm* ‘клевета’ и قذح *qadh* ‘оскорбление’, осуществленное в отношении потерпевшего лично в виде слов или действий, в форме непубличных текстов или изображений, направленных по почте, телефону или посредством грубого отношения [25].

Очевидно, что основное отличие تحقير *taḥqīr* от ذكر *damm* и قذح *qadh* состоит в непубличности оскорбления, влекущей за собой отсутствие репутационного ущерба.

Тем не менее во всех трех случаях судебное разбирательство может быть открыто только при наличии потерпевшего, готового выступить в качестве истца.

В Коране, который во многом является основой современного законодательства арабских стран, также достаточно явно порицается практика оскорблений:

وَالَّذِينَ يُؤْذُونَ الْمُؤْمِنِينَ وَالْمُؤْمِنَاتِ بَغَيْرِ مَا اكْتَسَبُوا فَقَدِ احْتَمَلُوا بُهْتَانًا وَإِثْمًا مُّبِينًا (33:58)

‘А те, которые незаслуженно поносят верующих мужчин и верующих женщин, сваливают на себя бремя клеветы и явного греха’ (33:58).

وَلَا تَجَسَّسُوا وَلَا يَغْتَب بَّعْضُكُم بَعْضًا (49:12)

‘Не следите друг за другом и не злословьте за спиной друг друга’ (49:12).

عَزَمُوا لِكُلِّ لِيٍّ (104:1)

‘Торе всякому хулителью и обидчику’ (104:1).

Но вместе с этим в Коране можно найти достаточное количество выражений, которые имеют высокий потенциал быть классифицированными как инвективы:

الْيَبَّاسُ لَظُنْأَمْ لَهُ لَبٌ مَّا عَنَّكَ الْإِلْمُ (25:44)

‘Они — всего лишь подобие скотов, но они еще больше сбились с пути’ (25:44).

كَأَنَّهُمْ خُشْبٌ مُسْنَدَةٌ (63:4)

‘Они подобны прислоненным бревнам’ (63:4).

كَأَنَّهُمْ حُمُرٌ مُسْتَنْفِرَةٌ (74:50)

‘Они словно напуганные ослы’ (74:50).

فَمَثَلُهُ كَمَثَلِ الْكَلْبِ إِنْ تَحِمَلَ عَلَيْهِ يَلْهَثُ أَوْ تَتْرَكُهُ يَلْهَثُ (7:176)

‘Он подобен собаке: если ты прогоняешь ее, она высовывает язык, и если ты оставишь ее в покое, она тоже высовывает язык’ (7:176).

مَثَلُ الَّذِينَ خُمِلُوا الثَّورَةَ ثُمَّ لَمْ يَحْمِلُوهَا كَمَثَلِ الْحِمَارِ يَحْمِلُ أَسْفَارًا (62:5)

‘Те, кому было поручено придерживаться Таурата (Торы) и которые не придерживались его, подобны ослу, который везет на себе много книг’ (62:5).

تَبَّتْ وَيَبْهَلْ يَبْأَ اَدْيِ تَتَبَّتْ (111:1)

‘Да отсохнут руки Абу Лахаба, и сам он уже сгинул’ (111:1).

وَلَا تُطْعِ كُلَّ حَلَّافٍ مَّهِينٍ

هَمَّازٍ مَنَافٍ بِنَمِيمٍ

مَنَافٍ لِلْخَيْرِ مُعْتَدٍ أَثِيمٍ

عُنُلٌ بَعْدَ ذَلِكَ رَنِيمٍ (68:10–68:13)

‘Не повинуйся всякому расточителю клятв, презренному, хулителью, разносящему сплетни, скупающемуся на добро, преступнику, грешнику, жестокому, к тому же самозванцу’ (68:10–68:13).

Из анализа уголовных кодексов и религиозных текстов можно заключить, что в основе представления об оскорблении в арабской традиции лежит урон репутации конкретного человека, т.е. оскорбление во всех его проявлениях должно иметь конкретного адресата. Ни Коран, ни законодательные системы арабских государств не предполагают деления инвективных средств на допустимые и недопустимые, ограничиваясь общими, достаточно расплывчатыми рекомендациями относительно нежелательности оскорблений.

"منه لله.. الرئيس ال..." جملة قالها بغضب رجل خمسيني داخل إحدى عربات مترو أنفاق القاهرة الكبرى، وأنهاها بإهانة للرئيس المصري عبد الفتاح السيسي مكونة من ثلاثة أحرف، تنتهي بحرف الصاد، وتعني في العامية المصرية الرجل القواد. شتيمة الرجل للسيسي تأتي بعد ساعات قليلة من قرار رفع أسعار الوقود، والذي تسبب في حالة غضب شعبي، اتخذ شكل الشتائم فقط، لكنه لم يؤدي، على الأقل حتى هذه اللحظة، إلى التظاهر في الميادين ضد الرئيس المصري. وفي السنوات الأخيرة، واعتراضاً على قرارات اقتصادية يرى النظام المصري أنها "نصب في مصلحة المواطنين"، بينما يعتبرها المصريون قرارات قاسية، كثر من تفنن في توجيه شتائم من كل شكل ولون للسيسي، وأصبح من الشائع أن تخرج شتائم من أفواه المصريين في أماكن مختلفة، منها، المقاهي، وسائل المواصلات، الأسواق الشعبية، وحتى بعض مقرات المصالح الحكومية. ويمكن النظر لتوجيه شتائم للسيسي، باعتباره شكل الاعتراض الوحيد تقريباً، الذي يستطيع المواطن العادي القيام به، خصوصاً بعد أن صار التظاهر من دون ترخيص، جريمة بحسب القانون المصري.

«Черт бы его... Президент с...» Фраза, которую произнес человек лет пятидесяти, ехавший в одном из вагонов каирского метро. Оскорбление, относившееся к президенту Абдель Фаттаху ас-Сиси, состояло из трех букв, заканчиваясь на «сад», и означало в египетском просторечии «сутенер».

Рис. 4. Сообщение на сайте Rasif 22 [26]

Не существует в арабских странах и четких формализованных правил использования лексики в СМИ, из которых бы однозначно следовало, какие слова разрешено употреблять на телевидении, радио и в прессе, а какие находятся под запретом.

Таким образом, можно предположить, что в арабских идиомах формально вообще не существует языковых табу. Но это не совсем так. Как уже отмечалось, арабскому языку присущи те же базовые функции и средства, что и другим естественным языкам, следовательно, табу в нем тоже должно присутствовать. Так как эксплицитные отсылки к конкретным языковым запретам в арабоязычном дискурсе обнаружить не удастся, необходимо обратить внимание на косвенные свидетельства их наличия. Например, в статье одного из египетских СМИ описывается ситуация, когда пассажир каирского метро прилюдно выругался в адрес президента Абдель Фаттах ас-Сиси [26]. Но издание по каким-то причинам не может привести использованное пассажиром бранное слово, вместо этого приводится его описание и толкование: «Состоящее из трех букв, заканчивающееся буквой «сад» и обозначающее в египетском просторечии "сводник, сутенер"» (рис. 4).

В Иордании после выхода на экраны многосерийного фильма «Джинн» разгорелся скандал (рис. 5). Общество негодовало и требовало запретить показ сериала, в том числе из-за «непристойных выражений». Часть лексики, использованной в диалогах, показалась зрителям неприемлемой, «бесстыдной» и «выходящей за пределы морали» [27]. В итоге официальные власти потребовали запретить публичный показ фильма, но так как он вышел в сети Интернет, а не на местном телевидении, сделать этого не удалось.

Эти примеры содержат явные свидетельства того, что в арабском языке присутствуют слова и выражения, использование которых неприемлемо безотноси-

أثار مسلسل أردني، من إنتاج شبكة "Netflix" العالمية، غضبا واسعا في الشارع المحلي؛ نظرا لوجود مشاهد إباحية، والفاظ منافية للآداب، بحسب ناشطين.

وعرضت "Netflix" الحلقة الأولى من مسلسل "جن"، الذي يحكي قصة مجموعة من الطلبة كانوا في رحلة بإقليم "البتراء" السياحي، وتعرضوا لمواقف مرعبة.

واحتوى المسلسل، الذي أدى أدواره شبان وشابات أردنيون، على مشاهد وصفها ناشطون بالإباحية، إضافة إلى لقطات مخلة بالآداب، والفاظ بذئية.

Иорданский сериал производства компании Netflix вызвал волну гнева среди населения страны из-за наличия в нем, по мнению активистов, откровенных сцен и нецензурных выражений. <...> Сериал... содержит сцены порнографии, а также кадры, нарушающие нормы нравственности и непристойные выражения.

Рис. 5. Комментарий по поводу сериала «Джинн» на сайте Arabi21 [27]

тельно умысла или коммуникативной цели говорящего. Сам факт их употребления уже достаточен для наложения санкций, а значит, они удовлетворяют основному критерию табуированности лексики (неприятие, выражающееся в наложении наказания). Следовательно, в арабском языке фактически существует разделение лексики на табуированную и кодифицированную, аналогичное таковому в русском и английском языках. Однако, несмотря на то что данное разделение реализуется на практике в различных сферах функционирования арабского языка (бытовая сфера, искусство, СМИ и т. д.), оно не получило закрепления в какой-либо форме, существуя исключительно в сознании носителей, что делает его достаточно размытым и лабильным и значительно затрудняет категоризацию лексических единиц по признаку табуированности/кодифицированности.

Неочевидность дифференциации табу от остальной лексики в арабском языке находит отражение и в научных работах арабоязычных лингвистов. Так, при попытке типологизировать табу иорданский исследователь Махмуд аль-Хатыб ограничивается тремя основными тематическими группами: 1) сексуальная сфера и половые органы; 2) естественные отправления организма; 3) неприятные явления [28].

Рассматривая иорданские табу, аль-Хатыб тем не менее опирается на универсальные языковые запреты, не предлагая ничего специфического. Его классификация не является уникальной для арабского языка, схожий набор тем характерен для большинства лингвокультур, о чем упоминалось ранее. Более того, в последнюю категорию автор записывает такие слова, как موت *mawt* 'смерть', سرقة *sirqa* 'кража', طرد *tarada* 'увольнять' [28], аргументируя свое решение тем, что для этих слов часто используются эвфемизмы. Однако наличие смягченных вариантов еще не делает лексему недопустимой к использованию.

Основываясь на работе аль-Хатыба, йеменский лингвист Нада Яхья Канбар предложила более развернутый список табуированных тем, куда вошли срамные части тела и их функции (в том числе секс), богохульства, упоминание политических лидеров и режимов, публичное упоминание личных имен женщин чужой семьи и упоминание вещей, пожертвованных нуждающимся или подаренных дру-

зьям на праздники [29, с. 92–93]. Стоит отметить, что Канбар делит все табу на контекстуальные (context-specific) и общие (general), последние, в свою очередь, включают допустимые к употреблению со смягчителями (mentionable with minimizers) и недопустимые к употреблению (unmentionable) [29, с. 91]. Но помимо того, что сама идея допустимости противоречит содержанию понятия табу, даже вышеупомянутые темы, отнесенные Канбар к недопустимым, нельзя считать полностью запретными ни в арабском языке, ни в йеменском идиоме. Запрет на упоминание политических деятелей выглядит абсурдным и не находит подтверждения в реальности — СМИ регулярно пишут о президентах, партиях и прочих элементах политической жизни. В действительности в некоторых арабских странах существует запрет на критику существующей власти и лидера нации, но он лежит скорее в социокультурной плоскости, нежели в лингвистической. То же можно сказать и об упоминании имен чужих женщин и обсуждении собственных подарков — в данном случае автор, не имея возможности выделить именно лингвистические табу, выдает за них социальное поведение индивида, нарушающее нормы принятого в конкретной стране этикета.

Таким образом, работы арабских исследователей одновременно подтверждают и наличие табуированной лексики в арабском языке, и трудность ее дефинирования.

Детерминация табу в лингвистике и универсальный индикатор табуированности

Вышеприведенный анализ собранного нами эмпирического материала показывает, что определение границ для лексических табу затруднено и степень «запрещенности» того или иного слова в значительной степени определяется ситуативно (исходя из принципа «я узнаю это, когда увижу»), решающую роль в установлении обценности играет дискурс. Наряду с этим в некоторых языках, например в русском, существует в той или иной форме список лексем, которые являются табуированными по своей сути, т. е. табуирована в большей степени форма, а не содержание слова. В данном случае определение обценности существенно облегчается, так как появляются формальные критерии отнесения лексики к табу, тем не менее задача не решается полностью ввиду того, что у разных специалистов (включая лингвистов и юристов) взгляды на инвентарный список лексических единиц, которые необходимо отнести к табу, не совпадают. Иными словами, можно выделить два основных подхода к табуизации лексики: табуизация смысла и табуизация формы.

Универсальным основанием для включения той или иной лексической единицы в список табу является характер ее восприятия носителями языка — представителями конкретного общества. Данный факт лег в основу исследований, проведенных Ofcom и BSA, и продемонстрировал свою состоятельность, однако сами исследования касались достаточно ограниченной сферы функционирования языка — теле- и радиовещания в заранее смоделированных условиях. В реальной жизни многообразие языковых ситуаций значительно выше, что в совокупности с индивидуальным восприятием брани дает практически безграничное количество контекстов, в которых приемлемость/неприемлемость той или иной словоформы оказывается ситуативно обусловленной. Скорее всего, именно такая «гибкость»

табуированных инвектив становится причиной отсутствия их точного определения даже в такой лексически чувствительной и формализованной сфере, как право.

Вместе с тем очевидно, что проблема по-прежнему требует решения. Так, К. Аллен и К. Бурридж для проведения границы между приемлемым и неприемлемым (т. е., по сути, отделения дисфемизмов от слов других категорий) предложили использовать «критерий вежливости среднего класса» (*middle-class politeness criterion*, далее — КВСК) [1, p. 34].

Этот критерий определяет отбор лексических средств коммуникантами, являющимися случайными знакомыми разного пола, которые принадлежат к среднему классу и стремятся быть вежливыми. Последнее заставляет коммуникантов предпочитать в речи эвфемизмы и ортофемизмы и избегать дисфемизмов. Аллен и Бурридж считают, что подобная коммуникативная ситуация наиболее показательна с точки зрения отделения дисфемизмов от эвфемизмов и ортофемизмов, а в более широком смысле — неприемлемого (т. е. в том или ином смысле табу) от приемлемого. В данном случае важны не только степень знакомства и разный пол коммуникантов, но и то, что коммуникация происходит между представителями среднего класса, что позволяет исключить из модели как достаточно влиятельных/богатых коммуникантов, которые могут себе позволить игнорировать общественные нормы, так и маргиналов и представителей социальных «низов», которые могут пренебрегать принятыми в обществе правилами в силу привычки к другому стилю поведения или по причине банального незнания этих социальных моделей [1]. Иными словами, с помощью КВСК Аллен и Бурридж моделируют «норму» речевого поведения в конкретном обществе, которая предполагает вежливое общение коммуникантов и как следствие отказ от использования в речи дисфемизмов.

Взгляд на способ отделения допустимого от недопустимого у Аллена и Бурриджа в целом созвучен подходу, применяемому регуляторами СМИ, — моделированию коммуникативного акта. Бесконечная вариативность таких ситуаций в реальной жизни вынудила создать единственную базовую модель, которая призвана стать опорной точкой для оценки того или иного слова в рамках целого языкового сообщества. Особенность этой модели состоит в том, что она опирается на чувство языка адресанта, но говорящий не всегда правильно оценивает границу допустимого/недопустимого у слушающего, он может как преувеличивать чувствительность адресата к дисфемизмам, так и преуменьшать ее. В конечном счете самым важным будет реакция реципиента — именно она является определяющим фактором в вопросе идентификации табу. Так как основной критерий табуизации — это наличие санкций за нарушение нормы, то, если в качестве реакции последуют санкции в той или иной форме (например, обида, социальное неодобрение, агрессия, штраф и т. п.), значит, сказанное относится к табу.

К тому же КВСК чувствительны ко всем дисфемизмам, но не все дисфемизмы суть табу. Аллен и Бурридж признают этот факт, ссылаясь на дело «Полиция против Батлера» и отмечая, что, несмотря на очевидную принадлежность сказанных ответчиком слов к дисфемизмам, ответчик не понес наказания [1, p. 36], т. е. не было выполнено основное условие табуированности — наличие санкций. Авторы объясняют это тем, что рамки закона в вопросе табу уже рамок вежливости и отражают меняющееся отношение общества к табу, а именно повышение приемлемости «общей» брани на фоне роста неприятия к дискриминирующей лексике. В защиту

КВСК они также приводят тот аргумент, что выходящее за его рамки поведение (в том числе языковое) можно назвать «нецивилизованным» (*coarse*), следовательно, практикующие его люди относятся к низшим социальным классам, а значит, не подпадают под определение критерия вежливости среднего класса [1, р. 37]. Таким образом, Аллен и Бурридж, разрешая одну проблему — размежевание допустимой и недопустимой лексики, создают другую: определение границ среднего класса.

Очевидно, что при общей правильности подхода КВСК имеет ряд недостатков, которые не позволяют считать его адекватным инструментом для различения табу и кодифицированной лексики. Самые главные из них — сфокусированность на выборе слов говорящим (вместо, как представляется, более важной реакции на слова слушающего) и неочевидность дефиниции среднего класса общества — понятия, которое является одной из составных частей КВСК.

Осознание слабых сторон КВСК приводит к возможности создания адекватного инструмента размежевания недопустимого и допустимого в языке на уровне целого языкового сообщества. Подобным инструментом может стать *универсальный индикатор табуированности* (далее — УИТ).

Он позволяет идентифицировать слово как табуированное (запрещенное к употреблению) или кодифицированное (допустимое) для представителей языкового коллектива, в нашем случае носителей определенного арабского идиома. Для этого носители должны ответить на вопрос: «Допустимо ли употребление в вашем присутствии слова XXX малознакомым человеком противоположного пола?» Ответ на этот вопрос выступает универсальным индикатором табуированности: если он положительный, то слово не относится к табу, если отрицательный — относится.

Концептуальное отличие УИТ от КВСК проявляется в фиксации реакции реципиента, а не выбора говорящего. Еще одна важная особенность УИТ — вопрос, который предполагает оценку слова респондентом в отвлечении от коммуникативной цели говорящего. Респондентом оценивается допустимость факта произнесения слова в его присутствии, а не то, насколько серьезно он может воспринять то или иное оскорбление в свой адрес (ср. «в вашем присутствии» и «в ваш адрес»). Подобная формулировка позволяет максимально ограничить влияние таких факторов, как повышенная чувствительность респондента к оскорблениям в целом (необязательно табу) или болезненное восприятие в свой адрес инвектив на определенные темы (например, на конкретные недостатки, ставшие чувствительной темой для респондента).

В зависимости от масштаба исследования с помощью УИТ можно проводить границу между допустимым и недопустимым на различных уровнях: на уровне отдельной языковой личности, конкретной социальной группы или общества в целом. При использовании УИТ в группе респондентов появляется возможность составить индекс допустимости слов, при обработке результатов достаточно произвести расчет доли положительных и отрицательных ответов для каждой леммы, процент позитивных реакций и будет представлять собой индекс допустимости. Увеличение числа респондентов, участвующих в исследовании, повышает релевантность индекса.

Однако важно понимать, что индекс допустимости не является безусловно релевантным для всех возможных коммуникативных ситуаций, он актуален для большинства ситуаций, в которых говорящему могут грозить санкции за непра-

вильный отбор языковых средств. Это связано с тем, что в основе индекса лежат результаты УИТ, который предлагает наиболее показательный для выявления табу, но все же только один дискурс. Помимо прочего, индекс допустимости открывает возможность оценить и корректно сравнить степень допустимости широкого спектра лексем, так как УИТ создает идентичные для всех единиц условия сравнения. Таким образом, индекс допустимости, основанный на УИТ, может выступать в качестве универсальной шкалы для оценки степени допустимости лексики и детерминации языковых табу.

Выводы

Несомненно, в настоящее время осознанное восприятие языковых табу и их границ — важный фактор дальнейшего развития общества, который может способствовать устранению ряда правовых коллизий, повышению качества коммуникации между людьми и как следствие уменьшению социального напряжения, вызванного ошибочным выбором / неадекватным восприятием определенной лексики.

Особенную актуальность имеет изучение инвективной лексики в арабском языке с применением универсального индикатора табуированности, так как правовые нормы, регулирующие использование бранной лексики в арабских странах, вообще не включают в себя понятие обценных слов, несмотря на очевидное их присутствие в языке. Кроме того, арабская инвективная лексика отличается слабой изученностью в целом, политика избегания «неприличных» тем привела к отсутствию сложившейся традиции восприятия брани в арабской лингвокультуре. В данных условиях наиболее целесообразным первым шагом станет выделение инвективного ядра в языке — лексем, несущих максимальный эмоциональный заряд, т.е. табуированных. Использование УИТ представляется наиболее адекватным способом выделить языковые табу и провести границу между запрещенными и допустимыми инвективами.

Литература

1. Allen K., Burrige K. *Forbidden words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
2. Ljung M. *Swearing. A Cross-Cultural Linguistic Study*. New York; Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. 190 p.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 05.04.2013 № 34-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144614/ (дата обращения: 10.08.2021).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Статья 20.1. Мелкое хулиганство // Собрание Законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Рекомендации по применению Федерального закона от 05.04.2013 № 34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Роскомнадзор. URL: <https://16.rkn.gov.ru/directions/mass-communications/control-nadzor-smi/spravka/p15638/> (дата обращения: 10.08.2021).

6. Явление есть, и слово есть. Переписка Дмитрия Муратова с Роскомнадзором по поводу слова «мудило» // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/20/73184-yavlenie-est-i-slovo-est> (дата обращения: 10.08.2021).
7. Attitudes to potentially offensive language and gestures on TV and radio Research report // Ofcom. [2016]. URL: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0022/91624/OfcomOffensiveLanguage.pdf (дата обращения: 10.08.2021).
8. Obscene, Indecent and Profane Broadcasts // Federal Communications Commission. [2019]. URL: <https://www.fcc.gov/consumers/guides/obscene-indecnt-and-profane-broadcasts> (дата обращения: 10.08.2021).
9. Acceptability Of Words In Broadcasting // Broadcasting Standards Authority. [2009]. URL: <https://www.bsa.govt.nz/oldsite/assets/Research/What-Not-to-Swear-Full-BSA2010.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).
10. Offensive Language // Channel 4. URL: <https://www.channel4.com/producers-handbook/of-com-broadcasting-code/protecting-under-18s-and-harm-and-offence/offensive-language> (дата обращения: 10.08.2021).
11. FCC v. Pacifica Foundation, 438 U.S. 726 (1978) // Justia US Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/438/726/> (дата обращения: 10.08.2021).
12. Filthy Words By George Carlin // law2.umkc.edu. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/conlaw/filthywords.html> (дата обращения: 10.08.2021).
13. *Levi L.* The FCC's Regulation of Indecency // First Reports. 2008. Vol. 7, no. 1. URL: https://www.freedomforuminstitute.org/wp-content/uploads/2016/10/FirstReport.Indecency.Levi_.final_.pdf (дата обращения: 10.08.2021).
14. *Jacobellis v. Ohio*, 378 U.S. 184 (1964) // Justia US Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/378/184/> (дата обращения: 10.08.2021).
15. The 'F Word' Is No Longer Deemed Offensive In Australia // Lifehacker. URL: <https://www.lifehacker.com.au/2016/10/the-f-word-is-no-longer-deemed-offensive-in-australia/> (дата обращения: 10.08.2021).
16. *Police v Butler* (2003) // NCW Caselaw. URL: <https://www.caselaw.nsw.gov.au/decision/549f-788d3004262463a8d568> (дата обращения: 10.08.2021).
17. How pop culture can (and should) change legal views on swearing // The Conversation. URL: <https://theconversation.com/how-pop-culture-can-and-should-change-legal-views-on-swearing-74539> (дата обращения: 10.08.2021).
18. Harm and Offence — Guidelines // BBC. URL: <https://www.bbc.com/editorialguidelines/guidelines/harm-and-offence/guidelines> (дата обращения: 10.08.2021).
19. Guidance: Racist Language // BBC. URL: <https://www.bbc.com/editorialguidelines/guidance/racist-language> (дата обращения: 10.08.2021).
20. Qānūn raqm 58 lis-sana 1937 // Maḥkama an-naqd al-miṣriyya. [2020]. URL: https://www.cc.gov.eg/legislation_single?id=404680 (дата обращения: 10.08.2021). (На араб. яз.)
21. Ġarā'im al-ihana wa al-qaḍf wa-sabb // An-niyāba al-idāriyya. URL: <http://www.ap.gov.eg/elmaktaba/Crimes%20of%20insult%20and%20defamation%20and%20insult.pdf> (дата обращения: 10.08.2021). (На араб. яз.)
22. Qanūn al-'uqūbāt lidawla al-imārāt al-muttahida. Aṭ-ṭab'a aṭ-ṭāliqa. Dubai: Ma'ahad dubai al-qaḍā'iyya, 2017 155 p. (На араб. яз.)
23. Qanūn al-'uqūbāt. Aṭ-ṭab'a ar-rābi'a. Al-Ġaza'ir: Maṭbu'āt ad-diwān al-waṭani lil-iṣṣāḡ al-tarbiyya, 2005. 154 p. (На араб. яз.)
24. Šaraḥ ġarīma as-sabb fil-qānūn al-ġazā'iriyy // Al-mu'assasa al-ġazā'iriyya lid-dirāsāt as-siyāsiyya wal-istratiġiyya. URL: <https://www.politics-dz.com/> (дата обращения: 10.08.2021). (На араб. яз.)
25. Qānūn al-'uqūbāt raqm 16 lis-sāna 1960 wa ta'dilātaḥ // Niqābat al-muḥāmin al-urduniyyūn [сайт]. URL: <https://www.jba.org.jo/CMS/UploadedFiles/Document/2f2aa013-f5c6-45df-b478-6427fe-39c3ee.pdf> (дата обращения: 10.08.2021). (На араб. яз.)
26. Šatā'im wa šatā'im bas // Rašif 22 [сайт]. URL: <https://raseef22.net/article/152779-وشائيم، وشتائيم-بس-لماذا-ييهين-المصريون-ر> (дата обращения: 10.08.2021). (На араб. яз.)

27. Ġaḍab min mašāhid muḥilla fi musalsal urduniyy li Netflix. wa tadaḥḥul rasmiyy // Arabi21. URL: <https://arabi21.com/story/1187598/ل-أردني-مسلسل-مخلة-في-مشاهد-غضب-من-Netفلي-وتدخل-رسمي> (дата обращения: 10.08.2021). (На араб. яз.)

28. Al-Khatib M. A. A sociolinguistic view of linguistic taboo in Jordanian Arabic // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1995. Vol. 16, no. 6. P. 443–457.

29. Qanbar N. Y. A Sociolinguistic Study of the Linguistic Taboos in the Yemeni Society // Modern Journal of Applied Linguistics. 2011. Vol. 3, no. 2. P. 86–104.

Статья поступила в редакцию 12 августа 2021 г.;
рекомендована к печати 28 февраля 2022 г.

Контактная информация:

Палладес Виктор Вячеславович — аспирант; palaver@zohomail.com

Taboo Words as a Component of Invective Vocabulary and Their Determining in Arabic against the Background of Russian and English Languages

V. V. Pallades

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Pallades V. V. Taboo Words as a Component of Invective Vocabulary and Their Determining in Arabic against the Background of Russian and English Languages. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 2, pp. 299–319. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.209> (In Russian)

The paper is devoted to understanding of the taboo phenomenon in language as a component of invective vocabulary on the example of Arabic, English and Russian languages, and also to study of the borders of this phenomenon and methods of its determination. In his study of conceptual features of forbidden words the author of the article refers to the works of K. Allen and K. Burridge, as well as M. Ljung. In addition to the theoretical works of linguists, the author analyzes the existing practice of implementing linguistic prohibitions in Russian, English, which affects such areas as legislation and media. Especially valuable material that was analyzed, was studies of English-speaking media regulators and major broadcasting companies. The main purpose of these surveys was to identify the list of words that audience considered unacceptable on the air, i.e. taboo. As for Arab law, there is no separation of vocabulary on permissible and unacceptable, as well as there is no obvious border and in Arabic language standards or usage. However, this does not mean the lack of prohibited words and the author clearly demonstrates the presence of taboos on examples from Arab media. In addition, the article discusses the works of Arab linguists M. A. Khatyab and N. Ya. Kanbar, dedicated to taboo vocabulary. Nevertheless, the problem of reliable determination and identification of language taboos has not been solved yet, and the author of the paper proposes a relevant criterion to determine the taboo words on the basis of the approaches existing in modern linguistics.

Keywords: taboo, invective, Arabic language, English language, Russian language, taboo indicator.

References

1. Allen K., Burridge K. *Forbidden words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 303 p.
2. Ljung M. *Swearing. A Cross-Cultural Linguistic Study*. New York; Houndmills, Palgrave Macmillan, 2011. 190 p.

3. Federal Law “On Amendments to Article 4 of the Law of the Russian Federation ‘On Media’ and Article 13.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” of 05/04/2013 No. 34-FZ. *ConsultantPlus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144614/ (accessed: 10.08.2021). (In Russian)
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 95-FZ (ed. dated 07/01/2021). Article 20.1. Disorderly conduct. *Repository of the Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1 (part 1). Art. 1. (In Russian)
5. Recommendations for the application of the Federal Law of 05/04/2013 No. 34-FZ “On Amendments to Article 4 of the Law of the Russian Federation ‘On Media’ and Article 13.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses”. *Roskomnadzor*. Available at: <https://16.rkn.gov.ru/directions/mass-communications/control-nadzor-smi/spravka/p15638/> (accessed: 10.08.2021).
6. There is a phenomenon, and the word is. Correspondence Dmitry Muratov with Roskomnadzor regarding the word “Mudilo”. *Novaia gazeta*. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/20/73184-yavlenie-est-i-slovo-est> (accessed: 10.08.2021).
7. Attitudes to potentially offensive language and gestures on TV and radio Research report. *Ofcom*. [2016]. Available at: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0022/91624/OfcomOffensiveLanguage.pdf (accessed: 10.08.2021).
8. Obscene, Indecent and Profane Broadcasts. *Federal Communications Commission*. [2019]. Available at: <https://www.fcc.gov/consumers/guides/obscene-indecnt-and-profane-broadcasts> (accessed: 10.08.2021).
9. Acceptability Of Words In Broadcasting. *Broadcasting Standards Authority*. [2009]. Available at: <https://www.bsa.govt.nz/oldsite/assets/Research/What-Not-to-Swear-Full-BSA2010.pdf> (accessed: 10.08.2021).
10. Offensive Language. *Channel 4*. Available at: <https://www.channel4.com/producers-handbook/ofcom-broadcasting-code/protecting-under-18s-and-harm-and-offence/offensive-language> (accessed: 10.08.2021).
11. FCC v. Pacifica Foundation, 438 U.S. 726 (1978). *Justia US Supreme Court Center*. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/438/726/> (accessed: 10.08.2021).
12. Filthy Words By George Carlin. *law2.umkc.edu*. Available at: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/conlaw/filthywords.html> (accessed: 10.08.2021).
13. Levi L. The FCC’s Regulation of Indecency. *First Reports*. 2008, vol. 7, no. 1. Available at: https://www.freedomforuminstitute.org/wp-content/uploads/2016/10/FirstReport.Indecency.Levi_final_.pdf (accessed: 10.08.2021).
14. Jacobellis v. Ohio, 378 U.S. 184 (1964). *Justia US Supreme Court Center*. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/378/184/> (accessed: 10.08.2021).
15. The ‘F Word’ Is No Longer Deemed Offensive In Australia. *Lifehacker*. Available at: <https://www.lifehacker.com.au/2016/10/the-f-word-is-no-longer-deemed-offensive-in-australia/> (accessed: 10.08.2021).
16. Police v Butler (2003). *NCW Caselaw*. Available at: <https://www.caselaw.nsw.gov.au/decision/549f-788d3004262463a8d568> (accessed: 10.08.2021).
17. How pop culture can (and should) change legal views on swearing. *The Conversation*. Available at: <https://theconversation.com/how-pop-culture-can-and-should-change-legal-views-on-swearing-74539> (accessed: 10.08.2021).
18. Harm and Offence — Guidelines. *BBC*. Available at: <https://www.bbc.com/editorialguidelines/guidelines/harm-and-offence/guidelines> (accessed: 10.08.2021).
19. Guidance: Racist Language. *BBC*. Available at: <https://www.bbc.com/editorialguidelines/guidance/racist-language> (accessed: 10.08.2021).
20. Qānūn raqḡ 58 lis-sana 1937. *Maḥkama an-naqḡ al-miṣriyya*. [2020]. Available at: https://www.cc.gov.eg/legislation_single?id=404680 (accessed: 10.08.2021). (In Arabic)
21. Ġarā’im al-ihana wa-alqaḡf wa-assabb. *An-niyāba al-idāriyya*. Available at: <http://www.ap.gov.eg/elmaktaba/Crimes%20of%20insult%20and%20defamation%20and%20insult.pdf> (accessed: 10.08.2021). (In Arabic)
22. Qanūn al-‘uqūbāt lidawla al-imārāt al-muttahida. Aṭ-ṭab‘a aṭ-ṭāliḡa. Dubai, Ma‘ahad dubai al-qaḡā’iyy, 2017. 155 p. (In Arabic)

